

<27 февраля 1934>

«Обращаюсь к Вам, Екатерина Павловна, хотя надежды на то, что попадет к Вам в руки письмо, и что Вы его и прилагаемое прочтете, очень мало.

В марте 1931 года брата моего раскулачили, и его и всю семью, состоящую из него, жены, матери и пятерых детей, отправили на Урал в Васькин Бор, как и многих других, где он и сейчас находится. Что они там пережили и переживают сейчас, об этом можно узнать, только побывав там, а моему описанию Вы можете не поверить. Из прилагаемого письма, писанного им для сестры, если Вы прочтете, Вы немного узнаете о их ужасной жизни, а я от себя напишу, что когда его взяли, то и тогда он уже был признан комиссией нетрудоспособным, а потом на месте тоже был признан полным инвалидом, жена тоже, мать, которую он уже схоронил там была старуха, и дети были в возрасте: старший <19>15 г<ода> рожд<ения>, <далее> 17 г<ода>, 19 г<ода>, 22 г<ода>, кроме первого, который в революцию был 1½-2 л<етним> ребенком, и всех их наказали и сослали в такие места, где они погибают, а одна уже умерла голодной смертью нынешнюю весну; старший, которого сразу же в то время 15 л<етним> заставили работать на лесовыкатке, получил чахотку и теперь кашляет кровью. Несколько раз на месте объявляли, что нетрудоспособных отпускают, он, т<о> е<сть> брат, писал нам всем родным, и мы собирали все деньги в одни руки, и один из нас выезжал за ними как поручитель и, только выехав второй раз, отпустили двоих младших детей, которые в данное время находятся один² в Москве у сестры, другой³ у меня, учатся и питаются с нами и избавлены от той тяжелой горькой участи, которую терпят оставшиеся.

Три года есть хлеб с травой и листом сушеным и то не вдосталь. Животные во много раз лучше питаются.

А мальчику в 17-18 лет⁴, чтобы заработать паек в 750 гр<амм>, будучи в чахотке, кашляя кровью, нужно из сил выбиться, а приготовить 14 км на пару и, так как он обессиленный работой и болезнью не в состоянии этого сделать, то получает только 400 гр<амм>.

Пускай наказаны родители-кулаки, но дети. За что? Живи они все еще только потом, что мы, их родные, отрываем у себя заработанный трудом кусок хлеба и посылаем им. Но велика ли наша помощь, и поэтому всё травяные лепешки и лепешки. Чтобы все описать, много нужно истратить бумаги.

Екатерина Павловна!

Помогите! Обратите внимание на поселок высланных, я пишу про одного, а их там тысячи, и я прошу не про одного своего брата, а прошу вообще обратить Ваше внимание на это забытое место. Ведь там было около 14 тысяч, а как видно из письма, половина избушек пустует, так как массы вымерли целыми семьями, ну, а сильные бежали.

Это забытое место ст<анция> Тавда, Уральской обл<асти>, Васькин Бор.

Ст<анция> Апатиты⁵.

¹ Письмо не подписано, но возможно, что его написал Василий Вагин. Расставлены знаки препинания.

² Елена Вагина.

³ Николай Вагин.

⁴ Александр Вагин.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.1096. С. 42-44. Автограф.

К этому обращению было приложено письмо К. и А. Вагиных⁶.

<29 января 1934>

«Дорогие наши родные, Ниночка, Шура и доченька. Вчера получили ваше письмо, наши дорогие родные. Родная, зачем ты пишешь, чтобы мы не обижались, что последнее время ничего не выслали. Родные мои, нам и так слишком тяжело, что на вашу долю выпала такая тяжесть и забота через нас. Ведь мы понимаем и сознаем, сколько вам лишних трудов и забот чрез нас, если бы не мы, вам, наши дорогие родные, жилось бы в сто крат легче и не приходилось бы нести столько лишнего труда. Крепитесь. Храни вас Матерь Божия и вознагради вас своею милостью, ведь вы в полном смысле живете не для себя — себя совершенно забываете. Господи, кончатся ли когда дни этой скорби и лишений. Родные мои, хочу поделиться с вами скорбью, только ради Бога не подумайте, что я хочу этим еще больше просить помощи. Нет, тысячу раз нет, пишу истину, но хочу излить свою наболевшую скорбь, думая, как и в былое время, когда поделишься, поговоришь откровенно, будто полегчает, слишком уж тяжелые мысли лезут в голову. Насколько мы покойны за Ленушку и Колечку, настолько скорбим и болеем через Марусю и Шурилку⁷. Господи, вот страдальцы-то. Если бы мы не помогали им из присылаемых вами, наши родные, посылок, они окончательно бы погибли. Господи, зачем издевательство такое над молодыми силами? Маруся, например, чтобы ей выкупить несчастный суп, а за него нужно заплатить 50 коп<еек> в день, продает пайку хлеба и тогда живет опять три дня. Ну, пускай Маруся, эта хотя теперь в тепле, а Шура, несчастный молодой человек, вечно в лохмотьях, вечно грязный, голодный и в довершении всего больной, ведь это факт, кашляет кровью, я уже подробно расспросил у его товарища по работе. Господи, неужели еще ждет нас жестокое испытание, нет больше кажется силы, не выдержать, хотя человек со всем смиряется, и теперь его перевели на лесовалку, с погрузки сняли, работает с темнаго до темнаго, идти нужно с Тавды до лесу 5 километров и обратно, работают с выработки, нужно приготовить 14 кубометров на пару, и тогда только могут получить по 750 грам хлеба, но они совершенно обезсилевшие, вырабатывают только 500 грам и не всегда, а больше 400 грам, потому что совсем обезсилели, только немного и поддерживаются посланным нами, а сами мы вечно голодны, про себя мы забываем. Господи, душа раздирается, ничего бы не хотелось, как покушать досыта. Родная моя, не подумай, что этим я хочу выпросит еще больше помощи, от вас нет, мои родные, пусть Господь будет свидетель. Поверьте, сколько мы получаем от вас, присылает Вася изредка, получаем хоть маленькие посылочки и от Зиночки, но ни разу, даже на праздник не выбрали хотя по пресной лепешки, но спечь с одной муки, все с примесью сушонки, а мука только для склейки. Только и было лакомство ваши сухарики, фунта три было (все берег для себя, что последнее время опять стал сильно страдать желудком), но 4 дня назад послал ребятам вместе с травничками, пусть они хоть чуть подержатся, послал крупicc, присланных Васей. Чтобы с нами было, наши родные, если бы не ваша помощь, в прошлом году давали крупicc рыбки, хоть изредка сахорцу, а нонче, кроме несчастного паечка хлеба, ничего и вдобавок в деревню не пускают, хотя бы подушки снесли, <но> нет пропуска. Шуре 6 месяцев не дают денег, да и не только Шуре, а и никому, продукты стали дешеветь, хлеб стал уже 50 рублей, но денег нет ни у кого, дадут изредка по 5 руб<лей>, то по 10

⁶ Расставлены знаки препинания и исправлены некоторые ошибки для понимания текста.

⁷ Имеется в виду Александр Вагин.

руб<лей>, только заплатить в столовую. Пишу, слезы душат, сдерживаюсь, не хочу мараить письма, кричал бы, зладю полжизни отдал, хоть раз или два в неделю быть сытым. Господи, за что такое испытание? Люди мрут, многие стали теньями, но есть и сщастливчики, которые и здесь сумели устроить свою жизнь. Многие наши смоленцы вымерли полными семьями, многие удрали, неизвестно куда, так что у нас в колонии половина домиков пустует, даже больше чем наполовину. Будыкин уехал, хотя тому и здесь жилось не худо, сумел и здесь окопаться. Анисим Зуев, зять, тоже уехал, и пишут уже письма из Шайтровщины, обещают устроить их. Из Белого ничего не получаем, старики, по слухам, живут очень плохо, дети все разъехались и совершенно забыли про их существование. Это нам передавала Бодрова Мария Ивановна, ей пишут, вернулся Иван Федорович Гончуков, Ив<ана> Сер<геевича> Сухобокова восстановили в правах гражданства и работает в колхозе, а также вернулся и Шкутков, тоже работает в Горловском колхозе.

Будет ли конец нашим страданиям? Шура, родной мой, напиши, как твои дела, скоро ль ты вздохнешь легко от всего пережитого и переживаемого.

Крепитесь, наши дорогие родные.

Молимся за вас, чтобы Господь помог хотя бы вам, перенести все тяжести, выпавшие на вашу долю. Наши родные, доченька, пиши, поцелуй крепенько своих крестных, будь им Ангелом-утешителем, разсеивай их грусти своим детским лепетом, не давай им волноваться и грустить.

Пишите, мои родные, в письмах одно утешение и отрада. Аня сиди рядом, клеит лапки и ревет, вовсе всю душу вытянула. Храни вас Матерь Божия, наши дорогие родные, крепитесь, не падайте духом, крепко, крепко целуем.

Ваши К. и А.»⁸

---

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.1096. С. 45-46. Автограф.